

УДК 101.1:355/359:008

К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

С.Н. Климов*, И.И. Семаева**

*ФГБОУ ВО Российский университет транспорта (МИИТ), г. Москва

** ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет,
г. Москва

Рассматривается такое важное социальное явление, как военная культура. Обращаясь к генезису военной культуры, делается вывод о неоднозначной интерпретации и недостаточной исследованности этого феномена. Определена военная культура, представлена ее структура в генетическом и функциональном отношениях. Аргументируется, что проявление сущности и содержания военно-культурных явлений реализуется через функции военной культуры.

***Ключевые слова:** военная культура, военная культура общества, военная культура государства, военная культура армии, функции военной культуры, роль военной культуры, методологическое значение военной культуры.*

Начиная с 90-х годов прошлого века Россия значительно сдала свои позиции мощной сверхдержавы, где одним из показателей являлась военная мощь. Возможно, исходя из известной и весьма расхожей мысли «если ружье висит на стене, то оно обязательно выстрелит», сегодня довольно часто звучат предостережения о возможности развязывания новой мировой войны. Нынешние арсеналы обычного оружия и оружия массового уничтожения превысили все мыслимые масштабы. К тому же ядерный клуб периодически пополняется новыми членами. Тревогу вызывают бряцания баллистическими ракетами со стороны КНДР, которая после успешного запуска 4 июля 2017 г. ракеты «Хвасон-14» заявила о способности нанести удар по любой точке земного шара в целях обеспечения безопасности на Корейском полуострове и во всем мире.

Поэтому, думается, обращение к такому общественному явлению, как военная культура, в настоящее время особо актуально.

Генезис идеи военной культуры как социального феномена восходит к европейской военной истории, что отражает позицию военно-культурного европоцентризма. В эволюции понятия «военная культура» весьма условно можно выделить два периода. Предтеоретический период связан с накоплением эмпирических данных, созданием базы для построения обобщенно-теоретической модели военной культуры. Второй период (условно с конца XIX – начала XX вв.) начинается с момента собственно саморефлексии военной культуры, с введением в научный оборот самого понятия «военная культура», определения ее сущности. На разных исторических этапах под военной культурой понимались различные свойства, отношения и характеристики (см.: [2; 5; 6; 8]). Причем многие дефиниции не являются определениями в строгом логическом смысле, а, скорее, представляют образные описательные высказывания, в которых фиксируются отдельные характеристики военной культуры.

В западной военной традиции целесообразно выделить, по меньшей мере, два подхода к пониманию феномена военной культуры. Ряд западных военных теоретиков рассматривает военную культуру как составную часть стратегической культуры, в частности различные формы стратегических решений в обществе [22, р. 27–28]. Например, американский военный исследователь Карн Лорд в числе основных факторов, определяющих стратегическую культуру – геополитическое положение, международные отношения, идеология и политическая культура, военно-гражданские отношениями – называет и военную культуру, подразумевая под ней историю, традиции, воспитание [23, р. 272]. Наряду с этим ряд гражданских ученых, объединившихся в Группу европейских исследований вооруженных сил и общества («Ergomas»), анализирует военную культуру как самостоятельный социокультурный феномен [24].

По нашему представлению, *военная культура* – это специфический способ организации военной сферы деятельности, характеристика ее бытия, степени совершенства развития, как системы, представленной через совокупность социальных отношений, норм и ценностей в продуктах материального и духовного труда.

Имея весьма сложную, разветвленную структуру, в плане вертикальных связей военная культура предстает, по меньшей мере, на трех соподчиненных уровнях: *военная культура общества; военная культура государства; военная культура армии (вооруженных сил)*.

Стоит заметить, что военная культура исходно не обладает сбалансированностью и соразмерностью элементов, что, очевидно, связано с ее неразвитостью как целостного явления. *В генетическом отношении* военная культура, детерминированная потребностями защиты от вооруженного нападения извне, складывается постепенно по пути: военная культура армии – военная культура государства – военная культура общества. Формируясь в недрах вооруженных сил, этот процесс осуществляется под постоянным руководством государства с участием, по мере необходимости, всего общества. Военная культура армии выступает, с одной стороны, средством, благодаря которому появляется и развивается военная культура государства и военная культура общества. И в этом отношении военная культура армии, являющаяся элементом военной культуры государства и военной культуры общества, составляет ядро военной культуры в целом. С другой стороны, по мере своего становления и развития общество и государство все более настойчиво выступают в роли субъекта военной культуры, превращая военную культуру армии в свой объект.

В функциональном плане военная культура армии играет жизненно важные функции по отношению к военной культуре государства и военной культуре общества. Участвуя в процессах регуляции общественных отношений, примиряя и объединяя всех членов общества, армия способна обеспечить стабильное развитие страны. Выступая надежным инструментом военной деятельности граждан, она защищает конституционные органы государственной власти. Степень реализации этих функций свидетельствует об уровне военной культуры вооруженных сил. В рамках военной культуры общества, исходя из объективных условий, в форме правовой базы создаются определенные социальные нормы, отражающие требования к характеру деятельности армии и определяющие условия, допуски использования сил и средств вооруженного насилия. Такое влияние позволяет членам общества определять социальную

значимость вооруженных сил и регулировать их деятельность с точки зрения выполнения своей роли в социуме.

Подчеркивая взаимную зависимость всех элементов военной культуры, следует указать на определенную обособленность каждого из них. Так, относительная самостоятельность военной культуры вооруженных сил выражает одновременно и самостоятельность, и зависимость ее от военной культуры государства и военной культуры общества. Эта относительная самостоятельность изначально присуща военной культуре армии, характерна для нее до тех пор, пока существует армия и находит свое проявление в наличии своих специфических законов, традиций и обычаев, своей логики развития. Кроме того, можно с определенной долей уверенности говорить об активной роли военной культуры армии по отношению к военной культуре общества: на каждом этапе истории армия играла значительную роль в общественной жизни, содействуя развитию социума либо тормозя его.

Военная культура армии способна опережать развитие военной культуры общества или же отставать от нее. Подтверждение этого тезиса мы находим у К. Маркса: «Война раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т. д. известные экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества» [14, с. 735]. В другой работе он приводит конкретные примеры: «Вообще армия играет важную роль в экономическом развитии. Например, заработная плата вполне развивается, прежде всего, в армиях у древних. Точно также *peculium castrense* (лагерное имущество) у римлян является первой правовой формой, в которой владение движимой собственностью признается за лицами, не находящимися на положении отцов семейств. Так же и цеховой строй получает свое начало в корпорации *fabri* (рабочих команд при войске). Здесь же впервые применяются машины в крупном масштабе. И даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег основывается, по-видимому, первоначально – после того, как миновал гриммовский каменный век, – на их военном значении» [15, с. 154].

Отношения между военной культурой армии, военной культурой государства и военной культурой общества детерминированы вероятностью войны. Если страна в течение длительного времени не подвержена военной угрозе, то общество, как правило, начинает испытывать отвращение к военному бремени, что проявляется, прежде всего, в стремлении сократить расходы на содержание вооруженных сил. В подтверждение этому, высказывая обоснованные опасения относительно военных вызовов и угроз России, Л.Г. Ивашов подчеркивает, что «в бюджете РФ на 2017 год военных расходов запланировано меньше, чем в 2016 году. Меньше, чем у Саудовской Аравии» [9]. Тогда как США только за последние пятнадцать лет израсходовали на противоракетную оборону 130 миллиардов долларов.

Несмотря на то, что армия является порождением политики, государственные руководители испытывают опаску со стороны воинских формирований до той поры, пока не возникает серьезная опасность. Но с наступлением спокойствия политики стремятся дистанцироваться от воинских проблем. Чем больше вероятность войны, тем более зримо военная культура армии проявляется в военной культуре общества и военной культуре государства, тем более актуальным становится объективная необходимость повышения уровня последних.

Мы живем в новой эпохе, для которой все более характерным является понимание неэффективности ведения войн между супердержавами, крупными развитыми странами. Такая ситуация вносит соответствующие коррективы в структуру всей военной культуры. Для того времени, когда войны прошлого считались достаточно эффективным средством достижения политических, экономических и иных целей, можно признать факт глубокого понимания важности собственно военной составляющей военной культуры в цепи от военной культуры армии через военную культуру государства к военной культуре общества. Несмотря на огромные потери людских и материальных ресурсов, войны прежде не подвергали сомнению вопрос существования жизни на земле. В XX в. ситуация коренным образом меняется, что связано с появлением принципиально нового оружия, способного уничтожить все человечество. Реальная возможность глобальной катастрофы меняет вектор взаимного влияния в структуре военной культуры в сторону не военной, а ее гуманитарной составляющей в цепи от военной культуры общества через военную культуру государства к военной культуре армии.

Роль военной культуры как особого рода деятельности, качественно характеризующей военную сферу, тесно взаимосвязанной со всеми сферами жизнедеятельности общества, проявляется через ряд важнейших функций, отражающих устойчивое необходимое проявление в окружающей среде качеств, сущности, содержания военно-культурных явлений.

Во-первых, необходимо назвать *функцию социализации*. Развитие любого человека, независимо от формы, способа деятельности, осуществляется путем освоения социального опыта, накопленного предшествующими поколениями. Как форма сохранения, производства, воспроизводства и распространения человеческого опыта военная культура приобретает не биологическим, а социальным (надбиологическим) путем. Приобщение к военным знаниям, военному опыту содействует развитию способности людей оценивать войну как социальное явление. Формирование личности, социальных групп, которые непосредственно включены в поле военной культуры (в первую очередь это касается вооруженных сил), происходит в результате усвоения соответствующих знаний, ценностей, традиций, норм, правил.

Вся отечественная военная история – яркий пример важной роли и значения военной службы как фактора социализации. В числе выдающихся личностей, принесших славу российскому оружию, стоит сотня достойных имен: А.В. Суворов, М.И. Кутузов, П.И. Багратион, Барклай де Толли, Ф.Ф. Ушаков, М.П. Бестужев-Рюмин, А.С. Грибоедов, В.К. Кюхельбекер, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, П.Я. Чаадаев, А.А. Брусилов, Г.К. Жуков и многие другие.

Во-вторых, *аккумулятивная функция*, которая состоит в накоплении военных знаний, идей, теорий, а также ценностей, норм, традиций, обычаев, ритуалов и иных духовных образований, которые выступают средством реализации других функций и вместе с тем воспроизводят себя по мере необходимости и востребованности субъектами военной культуры. Специфика данной функции предполагает учет процессов унификации, стандартизации материальных элементов военной культуры (военно-экономической, военно-технической культуры и других). С другой стороны, в развитии духовной составляющей военной культуры решающая роль принадлежит отечественным ценностям, традициям, обычаям.

В-третьих, *регулятивная функция*. Формируя субъектов, военная культура тем самым направляет, координирует их деятельность, поведение, общение

через систему регулирующих механизмов, включающую нормы и ценности, как общекультурного плана, так и специфические регулятивы, присущие особой сфере военного дела. Специфика функции регуляции проявляется в военном деле в большей степени, чем в любом другом виде деятельности. Это обусловлено характерными особенностями военной области, связанной с вооруженным насилием. Для военной культуры присущ и репрессивный момент. При необходимости, подавляя индивидуальные, социально-групповые побуждения, потребности, интересы, военная культура определяет условия (преимущественно нормативно-правовые и моральные), при которых они могут быть реализованы. Одним словом, она предписывает место, время, способы их удовлетворения.

Необходимо подчеркнуть, что функция регуляции проявляет себя с необходимостью в любой сфере деятельности, однако результат, а точнее цена несоблюдения этой функции в военном деле не просто значительна, а порой губительна для военной культуры. Регулятивная функция военной культуры проявляется наиболее жестко. Сформулированные дискурсивно-логически законы и принципы войны, написаны «кровью» и их соблюдение определяет жизнеспособность и устойчивость военно-культурных образований. Четко сформулированные военные принципы должны адекватно отражать характер эволюции военного дела, соответствовать уровню его развития. Ошибочная разработка военных регулятивов обходится очень дорого.

Еще больший урон может нанести слабая государственная политика. Указывая на необходимость извлекать уроки из прошлых войн, потребность умелого политического руководства и отлаженной организации по подготовке и ведению вооруженной борьбы с противником, И.А. Ильин писал: «Слабая власть вообще не способна вести войну, ибо война требует воли, дисциплины, подготовки, концентрации и сверхсильных напряжений» [10, с. 104]. И далее, прогнозируя возможность ведения войн против России в Европе, философ настаивал на идее могущественной России, опирающейся на сильную политическую власть. «Нам не дано предвидеть будущего, – писал он, – но мы не имеем никаких оснований считать, что русские границы замирены, что грозят новые оборонительные войны. По-видимому, дело обстоит как раз наоборот, и сильная власть будет необходима России, как, может быть, еще никогда» [10, с. 316].

В-четвертых, гносеологическая функция. Наряду с функцией сохранения, трансляции социального опыта, военная культура проявляет себя в процессах познания и самопознания. В ходе познания военная культура способствует постановке эвристических целей и реализации их посредством нахождения наиболее эффективных средств, способов и методов. Это предполагает проникновение в сущность военно-культурных явлений, процессов не только военных профессионалов, но и познание природы, причинно-следственных связей военной культуры государственными и общественными институтами. Самопознание «работает» на постоянно развивающуюся бытийность военной культуры, на самое себя (главным образом, благодаря военной теории, а также социально-философской рефлексии проблем войны, мира, армии). Творческий характер познания военной культуры имеет большое методологическое значение для военной теории и военной практики.

В начале прошлого века советский военный теоретик и практик А.А. Свечин указывал на необходимость обладания военачальником широкого стратегического мышления, глубокого прогностического дара и таланта. «Русский Клау-

зевиц», как его называли западные исследователи, считал работу полководца сродни мыслительной деятельности философа. В частности он писал: «Мыслитель, намечающий основные линии подготовки к будущей войне, должен стать прежде всего на точку системы Тейлора, а она, прежде всего, исключает всякую импровизацию и требует продуманного до конца плана. Таким органом, который бы координировал все детали устройства вооруженной силы и подготовки к войне с намеченным планом, в европейских армиях был большой генеральный штаб, с независимым начальником генерального штаба. На строительстве этого основного органа... и должно быть сконцентрировано теперь главное внимание. И, прежде всего, импровизация и хищничество должны быть заменены широким, охватывающим планом и последовательной, методической подготовкой, имеющими в виду и десятки лет мирного, систематического труда по устройству вооруженной силы, и невозможность распоясаться хотя бы на минуту» [18, с. 18].

Постижение военной науки в XXI в. с необходимостью предполагает уточнение в новых социокультурных условиях ее уровней и категорий, понимания сущности войны и мира, связи политики и государства, соотношения материального и духовного факторов в войне, связи военной теории и философии, проблемы взаимодействия гуманитарных и военных знаний. Как пишет В.Н. Ксенофонов, «только за последние годы ученые-гуманитарии (В.Н. Иванов, В.Н. Кузнецов, С.А. Тюшкевич, И.А. Крылова, А.С. Капто, В.В. Серебрянников, М.И. Ясюков) разработали идеи, получившие признание как в нашей стране, так и за рубежом. К наиболее значительным идеям и категориям можно отнести особенности взаимосвязи политики и ядерной безопасности, характер современных военных доктринальных взглядов и развитие мер доверия, мир как состояние общества и политики, специфику вооруженных локальных конфликтов, гуманитарные проблемы ядерной безопасности, соотношение “возможности” и “недопустимости” применительно к глобальной войне, проблемы безопасности современной России, слагаемые Великой Победы и другие [13].

Селективно-интегративная функция является производной от гносеологической функции и в то же время относительно самостоятельной. Важнейшей особенностью военной культуры является то, что ее ценности, нормы, а также образцы поведения складываются путем отбора определенных типов поведения и опыта людей. Процесс селекции в военной культуре осуществляется конкретно-исторически. В одной военной культуре приоритетными признаются духовные ценности, оказывая решающее влияние на деятельность и поведение людей. Для другой – главенствующая роль отводится совершенствованию технологии. Подобный отбор является основанием различия прошлых и настоящих военных культур, современных военных культур разных стран. Например, ведение войны признавалось едва ли не определяющей ценностью, характеризующей военную культуру древнеримской Спарты. В настоящее время вряд ли найдутся страны, ориентированные на такую ценность.

Очевидно, в процессе развития военной культуры важно добиваться гармоничного сочетания как материальных, так и духовных составляющих. При этом должно учитываться, что возможны различные варианты, когда на определенном историческом этапе акцент делается на материальное при поддержке духовного в военной культуре и наоборот. Диалектика взаимосвязи этих двух составляющих состоит в признании того факта, что если роль базиса принадлежит совокупности материальных компонентов, то духовная состав-

ляющая (в центре которой – человек) имеет определяющее значение. Для устойчивого и эффективного функционирования военной культуры необходимо оптимальное развитие материального и духовного компонентов, наличие прочных координационно-субординационных связей.

Между тем деление всех объектов военной культуры на материальные и духовные недостаточно эвристично для изучения целостного феномена военной культуры (впрочем, как и для культуры в целом). Практически вся совокупность этих объектов включает в себя и материальный, и идеальный моменты. Материальные предметы (техника, вооружение, военная форма и т. д.), выполненные в соответствии с идеальным планом, имеют вполне определенную форму. В то же время, сами идеи и образы выступают культурными объектами при их объективировании, воплощенности в материальные носители. Помимо этого, следует подчеркнуть, что материальная составляющая в значительной степени относится к компетенции исследования не социально-гуманитарных, а военных и технических дисциплин.

Анализ проблемы духовного в военной сфере на протяжении многих лет нашими военными учеными приводит к следующим выводам: духовная культура выступает источником нововведений во всех областях жизни общества, в том числе и в военной области деятельности; духовная культура является средством человеческой самореализации, оказывающим влияние и на самого человека, и на весь исторический процесс; духовная культура при соответствующих условиях проявляет себя в роли весомого фактора социального развития [3; 4; 11; 12; 16; 17; 19–21].

Представители военной культуры русского зарубежья (А.А. Керсновский, Н.Н. Головин, А.К. Байов, П.И. Залесский и др.), осмысливая проблемы войны и мира, природы и предназначения вооруженных сил с точки зрения критического анализа отечественной военной системы, много внимания уделяли разработке концепции военного строительства будущей армии России, где доминирующим началом рассматривался дух.

Военный ученый и писатель русского зарубежья А.К. Байов, раскрывая материальные и духовные элементы, которые определяют качество армии, писал: «Таким образом, все материальные элементы находятся в зависимости от духовных и первые теряют всякое значение при отсутствии или даже недостаточности вторых. Поэтому, несомненно, духовная, нравственная сторона имеет преимущество над материальной. Дух преобладает над материей» [1, с. 198–199].

Наряду с селекцией, процесс освоения военной культуры порождает у людей (прежде всего, членов военного сообщества) то чувство общности, которое формирует такое важнейшее качество, как корпоративность, духовное единение. Сплачивая людей и обеспечивая целостность на основе военной культуры, последняя противопоставляет себя таким образом другим культурам, отделяясь и дезинтегрируясь от них.

Качественные изменения во всех сферах жизни общества и глобализирующегося мира требуют серьезного осмысления вопросов будущего планеты и человечества, войны и мира. Обращение к военной культуре – проблема отнюдь не частного порядка. Она касается не только профессиональных военных, но и всего общества.

Пожалуй, можно согласиться с позицией А.Г. Дугина относительно необходимости формирования нового военного самосознания, что предполагает

ет определенный качественный уровень военной культуры социума: «На мой взгляд, современным российским военным нужен новый кругозор. В значительной степени, планетарный. Нам нужно сформировать новое военное самосознание. Интересы России меняются. Они иные, чем были двадцать лет назад. И очень важно, чтобы наш армейский корпус учился мыслить категориями геополитики, понимая контуры нового мира» [7].

Список литературы

1. Баиов А.К. Начальные основы строительства будущей русской армии //Философия войны /под общ. ред. А.Б. Григорьева. М.: Изд-во «Анkil-воин», Российский военный сборник, 1995. С. 191–207.
2. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М.: ВУ, Русский путь, 1999. 638 с.
3. Гидиринский В.И. Личность воина в политической системе общества. Дис. док. филос.наук. М., 1979.
4. Горбунов В.С. Методологические проблемы теории и практики формирования личности советского воина. Дис. док. филос. наук. М., 1991.
5. Григорьев А., Свитов В. Только ли патриоты нужны армии? Концепция фонда «Воин» // Независимая газета. 1994. 15 сентября.
6. Дрейлинг Р.К. Русская военная культура // Русская культура: сб. ст. Белград, 1925. С. 67–74.
7. Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909054635.xhtml> (Дата обращения: 03.07.2017).
8. Золотарев О.В. Армия и культура. М.: ГА ВС, 1992. 52 с.
9. Ивашов Л.Г. Нынешнее правительство ведет дело к уничтожению государства // Военное обозрение. 2017. 3 мая.
10. Ильин И.А. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг.: в 2 т. М.: Парог, 1992 .Т. 1.
11. Каверин Б.И. Методологические проблемы исследования связи общественного сознания и мировоззрения личности советского воина. Дис. док. филос. наук. М., 1988.
12. Ксенофонтов В.Н. Идеологические отношения и специфика их проявления в духовной жизни советских воинов (философско-социологический анализ). Дис. док. филос. наук. М., 1990.
13. Ксенофонтов В.Н. Философы о войне все же имеют представление // Военно-промышленный курьер. 2013. № 38 (506). 2 окт.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / изд. 2. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974. Т. 12.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. / изд. 2. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974. Т. 29.
16. Музяков С.И. Ценностные основания воинской деятельности: монография. М.: Воен. ун-т, 2008.
17. Петрий П.В. Духовные ценности общества и армия. М.: Воен. ун-т, 2001. 229 с.

18. Постигание военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина. 2-е изд. М.: Русский путь, 2000. 688 с.
19. Чернавин Ю.А. Социальный статус военнослужащего. М.: Воен. ун-т, 1997. 108 с.
20. Чижик П.И. Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности. М.: Воен. ун-т, 2000.
21. Чугунов В.М. Духовный потенциал военной безопасности государства (социально-философский анализ). М.: Монино, 1998. 247 с.
22. Bruno Colson. La culture stratégique française // Stratégique. Paris. 1992. № 53. P. 27–28.
23. Carnes Lord. American Strategic Culture // Comparative Strategy. 1985. Vol. 5.
24. Dendeker C. Facing Uncertainty, report n. 1. Flexible forces for the twenty-first century, Karlstad, 1999. 94 p.

ON THE PROBLEM OF MILITARY CULTURE AS A SOCIAL PHENOMENON

S.N. Klimov*, I.I. Semaeva**

* Russian University of Transport (МИИТ), Moscow

** Moscow State Regional University, Moscow

The article examines an important social phenomenon of military culture. Uncovering the genesis of military culture, it reveals an ambiguous interpretation and inadequate understanding of this phenomenon. Defining military culture, the article portrays its structure in genetic and functional perspectives. The manifestation of the essence and content of military-cultural phenomena should be understood on the basis of their functional analysis.

Keywords: military culture, military culture of society, military culture of the state, military culture of the army, functions of military culture, role of military culture, methodological significance of military culture.

Об авторах:

КЛИМОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история» ФГБОУ ВО Российский университет транспорта МИИТ, г. Москва. E-mail: klisn@mail.ru

СЕМАЕВА Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва. E-mail: kaf-filosof@mgou.ru

Authors information:

KLIMOV Sergey Nikolaevich – PhD, Professor, Prof. of the Dept. of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow. E-mail: klisn@mail.ru

SEMAEVA Irina Ivanovna – PhD, Prof. of the Philosophy Dept., Moscow State Regional University, Moscow. E-mail: kaf-filosof@mgou.ru